

Плей-лист

Mina Okabe — Walk Away

Why Don't We — 8 Letters

One Direction — No Control

Акmal' — Дышать

Sasha Alex Sloan — Dancing With Your Ghost

Ваня Дмитриенко, Асия — Ничего не бойся, я с тобой

Nessa Barrett — Keep Me Afraid

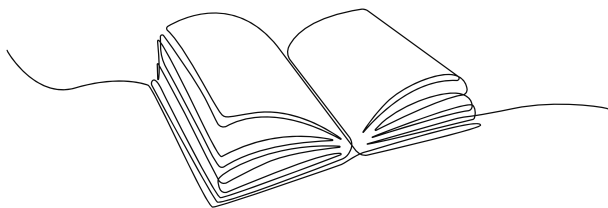
Tyrone Wells — More

Тима Акимов — Компас

Ed Sheeran — 2step

Dabro — Юность

The Weeknd — Hardest To Love

Пролог

Июнь 2020 г.

Солнце припекало плечи и волосы, в черной майке было безумно жарко. Однако мне было не до того, чтобы обращать на это внимание. Мои друзья стояли в дальнем углу школьного двора, переминались с ноги на ногу и переговаривались, не сводя с меня глаз.

Черт!

Мы были лучшими друзьями. Я был убежден в этом. Верил в мужскую дружбу, построенную на ценностях и принципах. Где были эти чертовы принципы пару дней назад?

— Витя, — раздалось рядом. Я оглянулся и заметил Наталью Егоровну, нашего классного руководителя. Это была пожилая женщина, и ее виски давно уже были покрыты сединой. Она взглянула на меня с нескрываемой печалью, словно видела насквозь. В ответ я поспешил отвернуться — Ты слышал, что Мишу держат в изоляторе? — спросила она.

— Что? — ответил я и вытянул шею.

О чем она? Раевский за решеткой?

— Вчера мне звонили из полиции и сказали, что поступило заявление. Витя, что произошло на выпускном?

Ники Сью

— На выпускном? — Язык отказывался произносить это слово. Я не хотел вспоминать выпускной, не хотел возвращаться мыслями в ту проклятую ночь.

— Да, — вздохнула Наталья Егоровна. Ее губы сжались в тонкую ниточку.

Я засунул руки в карманы синих льняных шорт, ощутив, как ветер обдал жаром кожу. Мои друзья все еще стояли в том дальнем углу, продолжая смотреть на меня. Раевский был с ними на выпускном. Да что, черт возьми, произошло?

Не дожидаясь ответов от классной, я двинулся в сторону бывших друзей. Наталья Егоровна что-то крикнула мне вдогонку, но я не планировал останавливаться, потому что у меня самого была уйма вопросов. Я не знал, почему Миша находится в изоляторе.

Парни сошлись в полукруг, заметив мое приближение. В центр вышел Аким, остальные встали поодаль. Наш новоприбывший брат, новое звено в баскетбольной команде, а также человек, которого я тоже некоторое время назад стал считать своим другом.

— Привет, — поздоровался я первым.

— Привет. — Ребята по очереди неохотно поздоровались со мной. Кирилл протянул мне ладонь, я заметил улыбку на его покрасневшем от солнечных лучей лице. Наше братство разрушилось за одну ночь. Чертова Рита! Чертовы девчонки!

Я не принял рукопожатия, продолжив держать руки в карманах.

— Шест, ты ведешь себя странно, — подал голос Аким.

Он был довольно высоким, но при этом узким в плечах. Жидкие светлые волосы, большие голубые глаза и острые скулы. Внешность этого парня идеально бы подошла под модельный типаж. В отличие от многих, Аким был более уверенным, порой слишком вспыльчивым и не отда-

Пепел

ющим отчета в своих действиях. Однако во время игры в баскетбол он отлично показывал себя на площадке: раскидывал соперников по залу, умело вел мяч. Наверное, поэтому я и допустил его появление в нашем братстве. Мы с детства считали себя чем-то большим, чем просто группой друзей.

— Могу сказать тебе то же, но сейчас не об этом. Что с Раевским? Почему он в изоляторе?

Парни переглянулись, будто я задал неудобный вопрос. И это тут же напрягло меня, заставив задуматься обо всем снова. А потом мой взгляд обратился к воротам, которые скрипнули на весь двор. Она вошла.

Каштановые волосы рассыпались по плечам, прикрывая вырез розовой майки. Длинная юбка почти волочилась по асфальту, не позволяя увидеть худые ноги в босоножках. Она редко ходила в джинсах, чаще в юбках разной длины. Ее волосы порой были убраны в забавные прически, а порой она носила простой хвост. Карие глаза скрывались за тонкими прозрачными очками, которые добавляли этому образу таинственности и скромности.

Я моментально напрягся. Никогда не мог оставаться спокойным, заметив Риту. Я ненавидел ее и желал одновременно. До выпускного. Теперь не было никакого желания, лишь одна лютая ненависть. Мне хотелось придушить ее собственными руками! Сжимать ее шею, пока она не издаст последний вздох. Но, конечно, я никогда этого не сделал бы.

— Это из-за нее, — произнес Аким, тоже заметив девочку возле ворот.

Рита остановилась. Я видел, как ее глаза расширились и как она поджала губы.

— В смысле? — не понял я.

Парни теперь тоже смотрели на нее. Во дворе было по меньшей мере человек сорок: мы ждали, когда придет фо-

тограф. Необходимость торчать здесь лишний день ради желания родителей сделать напоследок совместную фотографию бесила. Зачем этим заниматься после выпуска? Зачем это делать в такую жару?

— Она написала заяву, — прошептал Юра. От волнения и злости у него ходили желваки, а ноздри расширились от каждого вдоха.

— Заяву? — с удивлением переспросил я. — С какой это стати? Вы же все сказали, что это было обоюдно? Эй, — я резко дернул Акима за майку, притягивая к себе. Он ментально перевел взгляд, громко выдыхая.

— Обоюдно, иначе Раевского бы закрыли. Она просто ненормальная! Тебя использовала, нас поссорила.

— Не было никаких нас! — прорычал я, еще больше наклоняясь. — Ты никогда не был частью «нас». Кир, — я оттолкнул Акима и подошел к Кириллу, которого единственного из всей компании считал по-настоящему близким другом с самого детства. Я был уверен в нем, в его искренности. — Это правда Рита? Она написала на вас заяву, хотя сама утверждала, что все было обоюдно?

— Ты нам не веришь? — Мне не понравился его ответ. Наверное, я на самом деле не верил. Мне хотелось думать, что кто-то в этой истории лжет. Мне хотелось думать, что невинная Рита до последнего была честна со мной, что она никогда не поступила бы так. Однако я сам видел, как она вышла из машины, как поправила ляжку на платье, как ответила мне с вздернутым подбородком. Она не была напугана, на ее лице не было потегов от туши. Она не выглядела жертвой.

— Если Раевского посадят, если все это была хорошо подготовленная ложь, то клянусь, мне не составит труда забыть обо всех годах дружбы с вами, — серьезным тоном произнес я, развернулся и пошел в сторону ворот.

Пепел

Делать совместное фото расхотелось. Однако удержаться от желания еще раз взглянуть в сторону Риты я не смог.

Понимал ли я, что она сделала с нами? Понимал ли, что тихая отличница сумела словно залезть ко мне под кожу и изранить мое сердце? Однозначно нет.

Я остановился у высоких железных ворот, тяжело выдохнув. Маргарита вдруг повернула голову, и мы замерли, разглядывая друг друга. Она не улыбалась, из ее взгляда пропали прежняя легкость и простота. Ветер коснулся каштановых прядей, которые сегодня были также красиво уложены, как и на выпускной. Рита аккуратно заправила их за ухо, поджав губы. О чем она думала? Мне хотелось знать, что творилось в ее мыслях той ночью.

Я опустил голову, усмехнувшись. А когда вновь поднял, Рита уже не смотрела.

Через два дня Раевского отпустили, потому что состава преступления в его действиях не нашли. Но за эти два дня к Юрке и Киру домой успела нагрянуть полиция. Задавали неудобные вопросы, подпортили репутацию семьям в глазах соседей и знакомых. За эти два дня я извелся, постоянно перевозмогая свое желание позвонить Рите и спросить, не соврала ли она. Однако когда дело закрыли, пришло ужасное осознание — девушка, которую я любил, разрушила все. Включая меня самого.

Наши дни

— Да, детка, я помню. Заберу тебя, ага, — я говорил на автомате, да и слушал вполуха. Сжимал руль, стуча пальцем по кожаной обивке, и ждал, когда загорится зеленый. Ненавижу ждать. И дело даже не в девушках. Хотя эта бы-

ла очень даже ничего: не устраивала истерик, не выносила мозг и не требовала достать звезду с неба. Да и мой старик был рад до смерти: дочка крутого бизнесмена, который готов за нее продать и душу, и сердце, и весь свой бизнес. Последнее больше всего интересовало отца, ведь деньги с небес не сыплются, в отличие от удачного брака. Только меня это не заботило — по крайней мере, не в ближайшие пять лет. Я еще не нагулялся, не насытился своей свободой.

— Витющ, — пиццала в трубку Марина.

— Выбирай самое сексуальное платье и жди меня, детка. Хотя лучше без платья, — усмехнулся я. Загорелся желтый, и я тут же тронулся с места, оставив позади легковушки и мрачные городские пейзажи. Всю ночь шел дождь, на дорогах появились лужи, люди бежали, укутанные в теплые шарфы и куртки. Стояла глубокая осень. Прекрасное время года.

— Вить, красное или белое?

— Любое. Отключаюсь, я за рулем, — я попрощался с девушкой и бросил мобильный на пассажирское сиденье. Нажал на педаль газа, увеличил громкость в динамиках. Играла «MERIEМ — Нева», ванильный попсовый трек, который скоро наверняка взорвет чарты. Я старался не вслушиваться в слова, но все же некоторые строчки цепляли, и хотелось подпевать.

Очередной светофор, очередной красный. Как достали красные сигналы! Кто их вообще придумал? Когда загорелся желтый, я сорвался с места, будто опаздывал на самую важную в своей жизни встречу. Зачем-то перевел взгляд на остановку, и вдруг мое сердце пропустило удар. Я дал по тормозам, совсем не думая о едущих за мной машинах и о том, что в меня могут врезаться. Я почти остановился и смотрел. Позади сигналили, но я не слышал. В ушах сто-

Пепел

ял гул, и сердце почему-то словно решило совершить забег на длинную дистанцию.

Рита.

Она была в сером плаще, который прикрывал бедра, но позволял видеть ее худенькие ноги, обтянутые джинсами. Раньше она почти не ходила в таких вещах. Ее волосы развевались на ветру, а на лице были очки с прозрачными линзами. Рита держала в руках сумку, сжимая тонкими пальцами ее ручку. Мне надо было просто проехать и не смотреть вовсе. Но какого черта я продолжал смотреть в зеркало заднего вида и разглядывал эту проклятую девчонку?

Рядом стояли трое, судя по всему, не особо трезвых экземпляра. Говорили что-то, но она не реагировала. Ее взгляд был направлен в сторону дороги, она высматривала автобус. Плевать. Она должна была быть мне безразлична. Ей же не впервой. Чего переживать? Я стиснул челюсти до боли и с трудом отвел взгляд. Нажал на педаль газа, крепче сжав руль, и сделал еще громче музыку в салоне своего «Рендж-Ровера». А потом у меня словно остановилось сердце.

Я снова дал по тормозам, и машина позади едва не влетела в мою. Водитель открыл окно, высунулся и заорал матом, но я не отреагировал. Сдал назад на крайнюю правую полосу, включил заднюю передачу и резко нажал на газ. Двигаться против движения — не лучшая идея. Но кто бы меня остановил?.. Я ускорился, радуясь тому, что у меня тонированные окна.

«Зачем я это делаю? Окончательно крыша поехала! Все! Нет другого объяснения!», — думал я.

Рядом с остановкой была большая лужа, а позади ехал автобус, к которому я быстро приближался. Пусть бы уже Рита села в эту проклятую маршрутку и свалила ко всем чертям с мох глаз!

Ники Сью

Но Рита вдруг перевела взгляд на мою машину. Видимо, шум привлек ее внимание. Она сделала два шага назад. Не плохо, отлично соображает. А вот те трое так и продолжили стоять поодаль, демонстрируя свои противные улыбки. На скорости я проехал прямо по луже, окатив их грязной водой с головы до ног. Позади просигналил автобус, Рита поджала губы, попытавшись разглядеть меня через затемненные окна. Она наклоняла голову то влево, то вправо. Без улыбки. На ее невинном, как казалось, лице не было ничего. Оно не выражало эмоций. Она — пустышка. И я должен помнить об этом.

Я не мог на нее спокойно смотреть. В груди словно загорался дикий огонь, хотелось задушить, разнести все и пострадать самому. Ненавижу ее! Каждой клеточкой своего тела. Ненавижу!

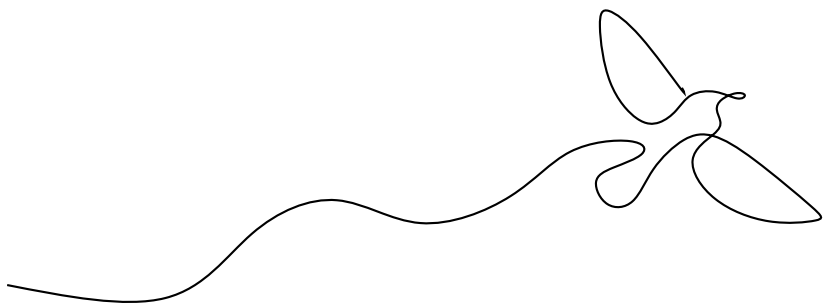
— Не смотри такими ангельскими глазами, — прошептал я себе под нос.

Двери автобуса открылись, Рита, наконец, отвела взгляд, и я снова смог взять себя в руки. Те трое начали ругаться, подошли и даже стали пинать по колесам мою машину, но я был слишком взбешен, чтобы общаться с ними.

Пора было уезжать, хватит играть в героя, решившего спасти невинную овечку. Я включил первую передачу, нажал педаль газа и уехал. В голове были только вспышки гнева и один-единственный вопрос:

«Когда все это закончится?..»

Глава 1

Рита

События прошлых лет

В детстве мы искренне верим в чудеса, вечную дружбу и любовь, способную преодолеть тысячи трудностей. Я тоже не была исключением — по глупости и наивности не замечала, как быстро меняется будущее, как любимые люди шаг за шагом уходят от меня, оставляя страдать в одиночестве. Самый большой человеческий грех — неведение.

Все началось с гениальной идеи, — так называл ее папа.

Мы тогда жили в районе старых многоэтажек, где по ночам пели свои песни алкоголики и завывали бродячие собаки. На зеленых стенах в подъездах подростки рисовали странные граффити или писали непристойные стихи. Люди в таких районах делятся на три типа: одни мечтают вырваться из вечной нищеты, другие страдают от бессилия, потому что жизнь не предоставила возможности поступить в вуз, получить образование, найти работу с достойным заработком, а третьих поглощает окружение, и они запивают, махнув на все рукой. Мой отец и его лучший друг относились к первой категории. Олегу Николаевичу — папиному другу — повезло больше: он устроился в охранный предпринятие, где платили на порядок выше, а еще там был

Ники Сью

предусмотрен социальный пакет и даже отпускные. У него неплохо зарабатывали и родители, и иногда они помогали деньгами. Ну, знаете, как это бывает — по молодости люди не думают о завтрашнем дне, женятся, потому что жить друг без друга не могут, заводят детей, начинают снимать однушку — все равно где, лишь бы быть рядом с любимым. Кому-то родители идут навстречу, помогают, а кому-то, как моему папе, помочь было некому. У него не было родственников: мать рано умерла, отец спился и успел застать только совершеннолетие своего сына. Вот и приходилось крутиться как-то самому.

Что касается мамы, ее родители мечтали не о таком зяте, поэтому, не найдя никаких рычагов давления, оборвали все связи с дочкой. Да-да, так бывает. Не оправдала надежд, пошла не по той дорожке — вот и справляйся сама. Однако мама очень любила папу — настолько, что не побоялась отказаться от всего и всех. Она верила в него, в их счастливое будущее вместе. Так тоже бывает — любовь называется.

В жизни папы на тот момент было всего два близких человека: жена Лидия и лучший друг Олег Николаевич. Он видел в них опору, свет и свое утешение. А потом дядя Олег женился на красавице Кристине. Моя мама в то время забеременела, и тетя Кристина тоже. С разницей в три месяца наши семьи обзавелись детьми: родились я и Витя. Два невзрачных имени и две души, которые жили одной жизнью.

Мы вместе росли, ночевали друг у друга, играли и строили домики из песка. Витя защищал меня от мальчишек во дворе, а я тайно таскала ему мамины пирожки, потому что тетя Кристина готовила из рук вон плохо. Однажды, тогда нам было по шесть, мальчишка в садике из моей группы подарил мне большую ромашку. Насколько это было неожиданное и приятное событие, что я от радости побежала к Вите похвастаться.

Пепел

— Выброси ее! — потребовал он и, не дожидаясь ответа, выхватил цветок, бросил его на землю и растоптал.

— Дурак! — в сердцах крикнула я, развернулась и убежала.

После этого мы не разговаривали три дня. Сейчас кажется — такая ерунда, а тогда три дня тянулись целую вечность. Потом Витя, правда, подошел сам и принес мне петушка на палочке.

— Не возьму, — скрестив руки на груди, заявила я, хотя очень любила карамельки. Нам родители покупали их редко, по праздникам, и, наверное, поэтому от подобных подарков замирало сердце.

— Хочешь сказать, тебе дурацкий цветок нравится больше, чем конфета? — удивился Витя.

— Нет, — махнула я головой, представляя, какой петушок вкусный и как тает во рту сладкая карамель.

— Бери, и точка! — фыркнул Витя. Взял мою руку и силой вложил в нее конфету. — И вообще! Не смей принимать подарки от других! Понятно? — уже тогда Шестаков был настолько уверен в себе и своей исключительности, что даже в садике его любили все девчонки и боялись и уважали мальчишки. Они ходили за ним, подобно свите — не хватало только плаща на плечах и короны на голове.

— С чего это? — спросила я и сжала палочку с карамельной конфеткой: выбросить ее было бы большим грехом. Наверняка Витя разбил копилку, чтобы купить мне петушка. Родители нам не давали карманных денег.

— Потому что только я могу дарить тебе подарки! Ты, — он показал пальцем на меня, а затем перевел его на себя. — Моя. Запомнила?

В ответ я рассмеялась, но тот случай сохранился в воспоминаниях на всю жизнь. Никогда Витя не был настолько искренним, как тогда, в шесть лет. Позже я рассказала об этом маме, и она то ли в шутку, то ли серьезно сказала:

— Если однажды вы поженитесь, я обязательно подарю вам коробку петушков.

Сказать по правде, эта идея мне очень понравилась, потому что из всех мальчишек я всегда смотрела только на Витю. Он был храбрее, сильнее и умнее других во дворе и в садике. Я представляла, как мы пойдем вместе в первый класс, как сядем за одну парту и будем вместе делать домашние задания. Я не сомневалась, что мы будем неразлучны, потому что Витя всегда выбирал меня, как и я его. *Но мечты не всегда сбываются.*

За год до школы случилось первое важное событие в жизни наших родителей. Мы тогда сидели с Витей у нас в квартире и строили картонный домик, а моя мама и тетя Кристина делали друг другу маникюр. Отец влетел домой первым, в его взгляде читался азарт, на лбу выступили капельки пота, дыхание было учащенное. Следом за ним вошел Олег Николаевич.

— Мы это сделали! — воскликнул папа и стал пританцовывать.

Я прыснула со смеху — такое было забавное зрелище.

— Что сделали? — не поняла мама.

— Открыли фирму, — объяснил дядя Олег. Он подошел к моему отцу и закинул руку ему на плечо. Оба выглядели такими счастливыми, словно только что сорвали большой куш.

— Фирму? — чуть не заикаясь, произнесла тетя Кристина. Она подскочила с кресла, которое отозвалось скрипом на ее движение.

— Да, детка. Фирма онлайн-проката фильмов. Это же фурур! Пашка разработал сайт, сам сверстал его и запустил. Теперь не нужно ходить в магазин: можно у нас на сайте заказать любой диск и получить его по почте, а потом поменять на другой. Пашка у нас — гений!

Пепел

— Но для этого же деньги нужны, — взволнованно произнесла мама.

— Олег вложилась деньгами, а я идей, — радостно заявил отец.

А потом был скандал. Мои родители вышли на кухню, мы с Витей остались в комнате, став свидетелями ссоры Олега Николаевича и Кристины Михайловны. Она ругалась полупшепотом, охала и ахала, даже ударила мужа в плечо кулаком, но тот старался не реагировать, успокаивал жену, улыбался, и, кажется, это еще больше ее раздражало.

— Мы собирали эти деньги на новую квартиру! Мне надоело жить в этой помойке, а ты! Ты просто взял и забрал наши деньги, они были наши — понимаешь? — наши деньги! А как же твой сын? Ему через год в школу! Ты... да ты в своем уме вообще? Этот лис, Пашка, оказывается, умнее моего мужа. Идеей он вложилась! — причитала мама Вити.

— Детка, дай нам шанс! Мы же разбогатеем!

— Дурак! Какой же ты дурак! Господи, за что мне это!

После Витя говорил, что родители не разговаривали почти неделю. Наверное, не каждая женщина готова принять выбор своего мужчины, но моя мама приняла. Она поздравила папу, несмотря на то, что он уволился с очередной работы, которую нашел с таким трудом. Вообще сложно ему было с руководством: все виделось в другом свете, а замечания одним и поправки другим казались несправедливостью. Папа не задерживался на новых местах и этим отличался от своего друга, и именно поэтому у нас всегда были проблемы со сбережениями.

Однако, в отличие от безработной тети Кристины, моя мама работала в городской библиотеке и имела хоть какой-то доход. Без нее наша семья точно умерла бы с голоду.

Ники Сью

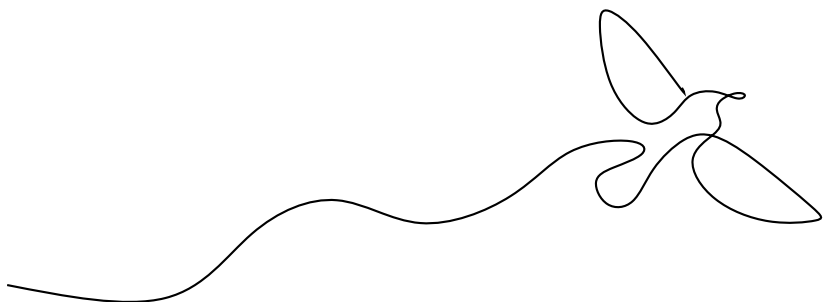
Первый год в прокатном интернет-бизнесе не принес особой прибыли, зато успел создать множество проблем: как с кредиторами, так и в семьях, так как оба отца почти поселились на новой работе и стали редко бывать дома. Но и здесь Олег Николаевич выкрутился — нашел где-то инвестора, который увидел в нем потенциал и вложил определенную сумму денег. К лету ситуация стала налаживаться, появился первый доход, и отец Вити смог окупить часть вложенной суммы, а их инвестор получить кое-какие дивиденды. А еще родители Олега Николаевича помогли его семье переехать в новую квартиру, чему очень радовалась тетя Кристина и из-за чего грустила я.

Больше мы не могли гулять с Витей в одном дворе, проводить время друг у друга дома. Нет, на ночевку все же ходили в гости, однако теперь это происходило реже: наши дома находились в полчаса пешей ходьбы друг от друга. Неблизко, одним словом.

Очередной удар случился тридцатого августа, когда я пришла с мамой в школу на разделение по классам. Витя обещал, что мы будем учиться вместе, но его не оказалось в списках. Кристина Михайловна выбрала для сына новенький лицей, куда брали только «по благу» — так сказал папа. Позже я узнала, что у инвестора фирмы родителей была возможность поспособствовать и моему поступлению туда, но оплачивать годовые взносы отец отказался. Всего десять тысяч — родители Вити могли себе это позволить, а мы — нет.

В итоге в первом классе я сидела с Машей Лаевой, а не с Шестаковым. Обидно, да, несправедливо, но мечты и не должны сбываться всегда.

Глава 2

Рита

Когда начались занятия в школе, встречи с Витей сократились до одной-двух в выходные дни. То уроки, то продленка, то Шестаков оставался с мальчишками гонять мяч. Зато в субботу и воскресенье мы надыхаться друг другом не могли: ночевали друг у друга, говорили без умолку и практически никогда не засыпали раньше трех часов ночи. Хорошо еще, что у меня была своя комната, как и у Вити. Родители и не знали, что мы нагло нарушали комендантский час.

— Как тебе ребята в школе? — спросила я в первую ночь. Мы лежали на одной подушке, разглядывая темный потолок. Нас до сих пор укладывали спать вместе.

— Прикольные! Но они не могут обойти меня, и когда я ускоряюсь, все остаются в хвосте, — хвастался Витя.

— Значит, тебе все нравится, — немного грустно произнесла я. Я завидовала тем людям, которые могли быть рядом с Витей каждый день. Мне безумно не хватало его в школе.

— Ну да, там еще кормят вкусно. Хотя везде вкусно, где готовит не мама.

Вздохнув, я потянулась за одеялом и накинула его на плечи, поворачиваясь к стенке. Мне вдруг показалось, что я теряю Витю, что больше ему не нужна.

Ники Сью

— А ты? — спросил он, ущипнув меня под лопаткой.

— Дурак, — пискнула я, толкаясь. — Будешь так делать — я все маме расскажу, и она тебя на матрас спать отправит.

— Ты не сказала, как в школе дела? Тебя никто не обижает? — серьезным тоном произнес Шестаков, словно ему было уже не семь, а все двадцать.

— Тебе какое дело?

— Если спрашиваю, значит, есть дело! Рита, или ты опять там подарки от всяких принимаешь? — даже в темноте я видела, как он прищурился, хмуро сведя брови к переносице. Он выглядел очень милым, когда занялся: нижняя губа чуть выходила вперед, а в глазах словно сверкали огоньки.

— Какой ты дурак, — засмеялась я, ткнув его локтем. И мы стали играть: щекотать друг друга, пинаться, кусаться, трепать по волосам. Но потом нас услышала мама и разогнала по разным кроватям.

Тот разговор с Витей я вспоминала весь год и каждый раз, когда тосковала без него или с завистью поглядывала на дружных одноклассников, улыбалась. На самом деле в первом классе я так и не смогла ни с кем подружиться. Нет, меня никто не обижал: со мной здоровались, иногда помогали, время от времени я с кем-нибудь говорила, но, видимо, была слишком скромной, и поэтому общение особо не ладилось.

На Новый год, под бой курантов, я загадала желание оказаться в одном классе с Шестаковым. Сжала ладони перед собой, зажмурилась и изо всех сил поверила в чудо. Но чудеса почему-то обходили меня стороной. Летом Витю отправили в школьный лагерь, хотя мы с ним планировали гулять вместе, и он хотел познакомить меня со своими друзьями. А в июле они с мамой уехали на месяц в санаторий — родители Кристины Михайловны постарались.

Пепел

В итоге вместо прогулок и игр я просидела шесть недель в одиночестве на своем балконе, зачитывая до дыр кавказские сказки, которые приносила из библиотеки мама.

В конце июля случилась первая беда — так сказать, первый звоночек, который мы с мамой не заметили. Все началось с желания отца купить машину. Он откладывал весь год, порой даже ограничивал нас в необходимых покупках вроде бытовой химии. А в один из месяцев даже запретил смотреть телевизор до шести вечера: вычитал где-то про дешевые ночные тарифы. В общем, страдали мы с мамой тайно, жалуясь только друг другу, но и радуясь за достижения отца. Ведь наши жертвы обещали великое вознаграждение — хорошую машину. Дорогую! Большую! Красивую!

Но с авторынка папа вернулся грустный. Я случайно подслушала его разговор с дядей Олегом:

— Мне не хватает, а брат развалюху не хочу!

— Слушай, ну возьми чуть похуже — потом поднакопишь, продашь и купишь лучше. Ну чего ты?

— Легко тебе говорить, Олег! У самого вон тачка какая. Мне бы твоих родителей, — с укоризной произнес папа.

— Слушай, а я ведь себе машину через интернет купил. Давай, может, и тебе подберем что-то? Там и ценник ниже, и бывают очень хорошие предложения. А насчет перегнать — не переживай, я помогу. Ты ж знаешь, чем смогу — всегда помогу!

И папа согласился. Правда, выбрал сам, без помощи знакомых. Олег Николаевич тогда был на встрече с новым спонсором и пытался договориться о взаимовыгодном партнерстве. Мой же отец практически ни с кем не общался, он был погружен только в компьютеры и разработку новых алгоритмов на их сайте по прокату дисков. В тот день подождать бы ему дядю Олега, но папа горел нетерпением, да и все было очень заманчиво: отзывы, видео, даже договор прислали. Отец, долго не думая, выслал всю сумму и ждал

расписки о получении денег. Но продавец перестал выходить на связь, а переписка вдруг исчезла с сайта.

Для нашей семьи это был удар, но больше это поразило папу, конечно. Он писал на сайт, пытался взломать его, чтобы восстановить переписку, и у него даже что-то получилось, но мошенники, видимо, были хитрее и использовали отработанную схему.

— Это все ты виноват! — заладил отец, ругая Олега Николаевича. — Если бы ты не предложил эту дурацкую идею с интернетом...

— Слушай, ну... хочешь, я тебе денег дам? У меня есть немного отложенных, мы в Ялту собирались поехать в сентябре с Кристиной вдвоем, но раз такое дело! — виновато лепетал дядя Олег.

— Сколько ты мне дашь? Три копейки? Убирайся! Видеть никого не хочу!

— Пашка, мне... мне очень жаль, что так все вышло.

— Убирайся! Убирайтесь все!

Папа с Олегом Николаевичем не разговаривали почти две недели. На работе здоровались через раз, ну и, логичное дело, Витю к нам приводить перестали. Однако это не мешало нам видеться: он самостоятельно приезжал на велосипеде ко мне в оставшиеся дни лета, и мы ездили на речку. Витя усаживал меня на раму, а я болтала ногами, распевая разные песенки, которые приходили в голову. Удивительно, но наша дружба с годами только крепла, и усиливалось взаимное притяжение.

В один из последних августовских дней мама сшила мне сарафан — мятного цвета, чуть выше колена, с красивыми рукавами-фонариками. Надев его, я не могла налюбоваться собой, поэтому поскорее убежала в нем гулять на улицу.

Пепел

— Как тебе? — спросила я, встретив Шестакова. Он стоял за углом нашего двора, а рядом на земле валялся его велосипед.

— Ну... — только и произнес Витя, а затем прикусил губу и отвел взгляд в сторону, словно смутился.

— Если я тебе не нравлюсь, у тебя однозначно плохой вкус! — фыркнула я, подходя к велосипеду и надувая губки.

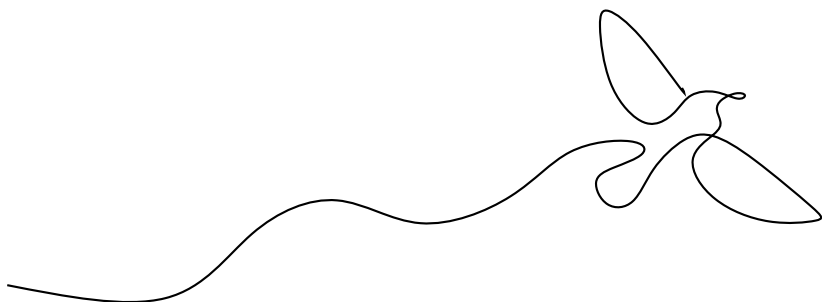
— Хороший у меня вкус! — крикнул он, а затем замолчал. Но позже, помедлив, добавил: — И ты красивая, Рита. Но в платье ехать не очень удобно: придется пешком гулять.

— Ну, пешком — так пешком, — улыбнулась я, радуясь солнцу, птичкам, поющим на ветках, и Вите, который каждый день был рядом.

— Счастья-то сколько, — сказал Шестаков, подняв велосипед с земли. Он развернулся и неожиданно взял меня за руку, крепко сжав ладонь. — Пошли, девочка в платье.

Тогда я и подумать не могла, что настанет день, когда мы уже не сможем вот так легко гулять вместе, болтать и держаться за руки. Тогда мне казалось, что эту близость ничто не разрушит, и мы будем вместе всегда.

Глава 3

Рита

В конце сентября, мы перешли тогда во второй класс, наши родители окончательно помирились, но отец стал очень мнительным: вечерами сидел над какими-то папками с калькулятором, постоянно что-то проверял, бурчал себе под нос и совсем перестал обращать внимание на меня и маму. По три раза ходил к входной двери, щелкал замками, прежде чем лечь спать, каждый день пересчитывал деньги, отложенные на черный день, а уж если шел в магазин, то после просматривал чек и пересчитывал сумму.

Поведение его сказывалось и на работе. Тогда в эту сферу пришел конкурент (так говорила мама) с достаточно крупными вложениями и планировал убрать с рынка фирму наших отцов. Олег Николаевич, узнав об этом, взялся за дело и стал искать новых инвесторов, чтобы сделать хорошую рекламу и поднять зарплату сотрудникам. От папы они ждали новой стратегии, виджетов на сайте, фишек, которые взорвали бы рынок. Но отец вместо этого стал следить за сотрудниками, их работой, в какое время они уходят и приходят на свое рабочее место, а в какой-то момент и вовсе предположил, что в коллективе завелся предатель.

— Пашка, это тебе! — сказал в один из дней Олег Николаевич, забежав к нам в гости поздно вечером. — Ты ведь

Пепел

не отдыхал два года. А это — Ялта! Красота там, отличный сервис, да и море невероятное! А мы тут сами разберемся.

— Олег, то ты говорил, что сотрудников не хватает и сроки горят, а теперь отправляешь меня отдыхать. Вы там что-то хотите замутить, а я вам мешаю? — вспыхнул папа.

— Да что за чушь ты несешь? Если бы не ты, фирмы вообще не было бы. Она вся на тебе, но я же вижу, какой ты в последние дни. Я просто хочу помочь тебе немного расслабиться!

— Мне не нужен отдых! Мне нужна машина!

На этом разговор и закончился. Появление конкурента все-таки сильно подпортило ситуацию в бизнесе родителей, но, несмотря на убытки, которые они понесли, зимой Олег Николаевич пригнал отцу почти новенькую «Ниву». Оказывается, он продолжал чувствовать за собой вину за тот случай летом. Не передать словами, как обрадовался папа. Он все ходил вокруг машины, словно коршун над добычей, не мог ей налюбоваться. Сразу стал добрее, перестал придирается к разным мелочам и вообще сделался легким в общении, разговорчивым и улыбчивым. Мы тоже с мамой радовались — до тех пор, пока не услышали, как тетя Кристина жалуется подругам на улице:

— Олег совсем с ума сошел! Все деньги, что мы собирали, взял и спустил на эту дурацкую машину для Пашки. Господи, ну разве наши проблемы, что Пашка на мошенников нарвался? Я вообще сомневаюсь: может, и не было никаких мошенников, может, он просто пропил эти деньги. Пусть бы ему боком эта проклятая «Нива» вышла.

Лучше бы мы не слышали этого разговора. Лучше бы не ходили в тот день в гости к Шестаковым. Мама тогда промолчала и увела меня, но отцу настоятельно рекомендовала вернуть деньги. Все-таки подарок был дорогим.

— Не говори ерунды, мы со школы дружим! Сочтемся, — отмахнулся папа.

Ники Сью

А на следующий день он попал в серьезную аварию, не справившись с управлением. Скорая приехала вовремя и папу спасли, но восстановить машину было невозможно. Мыслями я возвращалась к словам Кристины Михайловны, а уж когда они с Витей заявили в приемное отделение, где мы с мамой ждали вестей, я и вовсе предпочла уйти в другой коридор, лишь бы не видеть эту женщину.

— Рит, — крикнул Витя, догоняя меня. Я не обернулась, мне хотелось плакать.

Мне было жаль отца. И пусть он не должен был принимать такой дорогой подарок, но авария могла забрать его у меня. От этой мысли сделалось жутко.

— Рит, постой. Рита! Марго!

— Отпусти, — крикнула я, почувствовав, что подступают слезы.

Витя обнял меня, погладил по голове и прошептал слова утешения. Но мне все равно было тяжело принять слова его матери и то, что я едва не лишилась родного человека.

В больнице папа пробыл больше двух недель, и столько же после он не вставал с постели дома. Он пил таблетки, мало разговаривал и все реже выходил на улицу. На работе его больничный приняли без лишних вопросов, но из-за конкурента с большими финансовыми возможностями все было на нервах и не знали, что предпринять, чтобы обезопасить себя от банкротства. Но тут отцу в голову пришла очередная гениальная идея — изменить условия проката.

— У нас же полно дисков, так давай брать с людей деньги не за прокат одного фильма, а за безграничный доступ ко всей нашей фильмотеке. Ну, к примеру, теперь за сто рублей человек сможет взять три диска вместо одного. Или пять. На сайте клиент будет оформлять так называемую подписку и подключать автоплатеж с банковской карты. Каждый месяц с него будет списываться определенная сумма денег, и он за нее сможет менять диски в пункте выда-

Пепел

чи столько раз, сколько захочет. Главное, в срок успеть, — тридцать дней. Такого нет нигде! Это будет фурор!

— Пункты выдачи? Это как?

— Мы договоримся с разными магазинами, дадим им процент за каждый диск, который они выдадут. Поверь мне, Олег, такого еще нигде нет!

Олег Николаевич идею не одобрил: ему хотелось развивать прокат через сайт, а не делать из него платную подписку. Однако их положение на рынке было настолько шатким, что пришлось согласиться. Папа загорелся реализацией планов, снова вернулся к разработкам, что-то вычислял, сидел сутками перед монитором, менял оформление сайта, добавлял новые алгоритмы, чтобы они помогали людям увидеть все больше новых фильмов как можно скорее. До того дня, пока по телевизору мы не увидели рекламу платной подписки, которую запустил первым их конкурент.

— Ты видела, Лида, видела? — бесился папа, то и дело размахивая руками и шагая из угла в угол по квартире. Его лицо было красным, а ноздри раздувались от злости.

Мы с мамой лишь молча переглянулись, ведь обе тогда еще не понимали, о чем он.

— Дорогой...

— Это была моя идея! Это был мой план! Откуда они... Я ведь говорил Олегу, что у нас в офисе крыса завелась. Кто-то сливает инфу, а они все смотрели на меня и крутили пальцем у виска. Хотя чего это я беспокоюсь? Сейчас пойду к этим уродам и все выясню.

Мы с мамой снова переглянулись. Отец походил на смерч, готовый снести все на своем пути. В такие минуты людей лучше не трогать. Его лицо вытянулось, глаз дергался, в голосе словно звучала сталь. Папа вышел, хлопнув дверью и оставив нас в полном недоумении.

Вечером в гости пришел Олег Николаевич с семьей. Они были в хорошем настроении: то ли еще ничего не

знали, то ли знали, но восприняли проще. Мамы остались на кухне, а мы с Витей ушли в комнату, решив поиграть в карты. Однако хлопнула входная дверь, я моментально напряглась и запаниковала. Я чувствовала, что папа пришел еще более злым.

— Пашка, у нас Олег с Кристиной, — послышался мамин голос.

А потом случилось то, что навсегда изменило мою жизнь. Папа не ответил на слова мамы, послышались его тяжелые шаги из прихожей. Вдруг раздался звук удара и вскрик. Мы с Витей выбежали на шум в коридор и стали свидетелями драки моего папы и Олега Николаевича.

— Предатель! — кричал папа, пока Олег Николаевич уворачивался от его ударов.

— Па! — испугался Витя и хотел зайти на кухню.

Кристина Михайловна схватила сына, но он продолжал рваться, не сводя глаз с отца. Мне тоже сделалось страшно, и на глазах проступили слезы.

— Папочка! Что происходит? — расплакалась я, не успевая переводить взгляд с него на Олега Николаевича. Он был мне как самый настоящий родной дядя, и происходящее казалось нереальным, кошмарным сном. Эти два недавних лучших друга просто не могли с такой жестокостью драться на нашей кухне.

— Я вызову полицию, если вы сейчас не успокоитесь! — закричала мама. Она схватила телефон со стола и уже начала набирать номер, видимо не веря в то, что ее слова могут хоть немного подействовать. Однако отец вдруг со всей силы оттолкнул Олега Николаевича в грудь и сел на стул.

— Проваливай из моего дома! — прорычал он.

— Ты больной, Пашка? Что ты творишь? — Дядя Олег вытер тыльной стороной ладони разбитую губу, из которой сочилась кровь.

Пепел

— Я что творю? Зачем ты встречался с Макаровым? Хотя какая разница! Можешь не отвечать. Но ноги моей больше в офисе не будет, понял?

— Что ты несешь, Паша?

— Проваливай! — не унимался отец.

— Идем, — схватив за руку мужа, тетя Кристина потянула его в сторону коридора. — Уходим отсюда, скорее!

— Паша, ты что несешь?

— Я в суд на тебя подам, понял? Это была моя идея! Моя! Фирмы без меня и моих идей не было бы! Забылся, друг мой? — папа говорил словно не своим голосом, во взгляде его читались злость и негодование, я не узнавала человека, сидевшего на нашей кухне.

— Да как тебе не стыдно! — завопила Кристина Михайловна. — Мы столько для вас сделали, ты ни копейки не вложил, а уже угрожаешь судами? Бессовестный!

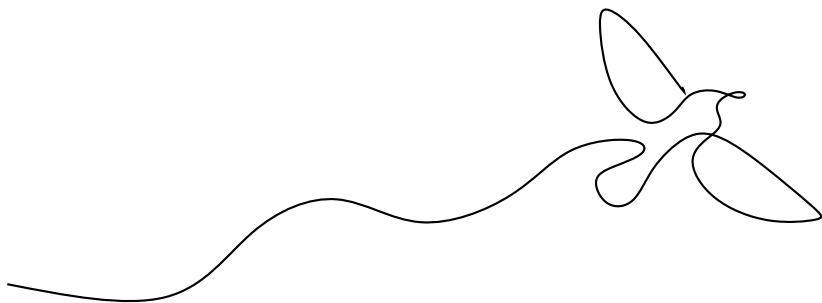
— Паша...

— Проваливай!

Они еще немного покричали, но в конце концов Олег Николаевич ушел вместе с семьей. Позже я подслушала разговор родителей. Оказалось, идею отца продал конкурентам дядя Олег. Предал свой коллектив, фирму и — самое главное — друга. Где-то в глубине души я понимала: как раньше уже не будет. И пусть я не разбираюсь в корне проблемы, в бизнесе, который создали родители с нуля, но мне казалось, на наши с Витей отношения не должны влиять конфликты взрослых.

Однако как же я заблуждалась.

Глава 4

Рита

С момента ссоры прошло три недели, и ровно столько мы не виделись с Витей. Я очень тосковала по нему, хотела позвонить, чтобы хотя бы услышать его голос. Однако папа находился дома почти сутками напролет, и при нем говорить было как-то неудобно. Поэтому ничего не оставалось, кроме как ждать. Я не знала, чего именно, но в моей душе все равно горел огонек надежды.

А во вторник, выходя после уроков из школы, я встретила поджидавшего меня Шестакова. Он сидел на рюкзаке, который бросил на землю. Без шапки и шарфа, в расстегнутой куртке и без перчаток. Щеки его горели румянцем от холодного ветерка, а обветренные губы казались еще краше.

Он никогда раньше не казался мне таким симпатичным, как сегодня.

— Витя! — крикнула я, улыбнувшись. Все обиды тут же позабылись, я подбежала к нему и бросилась обниматься. Мы упали на тонкий слой снега, успевший выпасть за день. Витя прижал меня к себе, обжигая горячим дыханием.

— Заболеем же, — строго, но в то же время тепло отозвался он. Я чуть приподнялась, разглядывая лицо свое-

Пепел

го лучшего друга. Мы оба замерли, словно не виделись целую вечность. Шестаков вдруг протянул руку и заботливо поправил на мне шапку, которая успела съехать набок.

— Тогда будем болеть вместе... — Я сказала это не подумав, а поняв, вдруг перестала улыбаться. Ведь вместе теперь не получится.

— Ага, но лучше не болеть, а то придется пить гадкую настойку матери. Слезай, Рита.

И я слезла, стараясь скрыть свою грусть. Уселась рядом, натянуто улыбаясь и не зная, куда деть глаза. Мне не нравилось будущее, в котором два человека не могут общаться, гулять вместе и болеть под одним одеялом. Но вслух я этого не сказала.

— В общем, ситуация — отстой, — произнес Витя, громко вздохнув.

— В смысле?

— Из разговоров дома я понял две вещи: твой отец не просто ушел из бизнеса, он еще забрал с собой нескольких крутых ребят, что однозначно приведет к краху компании. Ну и... теперь мой папа тоже обозлился. Короче, вряд ли мы снова сможем ходить друг к другу в гости. В этот раз все серьезно, кажется.

— Но как же... — не веря в услышанное, проговорила я. В горле словно застрял ком, и мне стало тяжело дышать.

— Все очень плохо. И... вот! — Витя повернулся ко мне, выгацив из рюкзака телефон.

— Зачем это?

— Там есть симка, а мне купили сенсорный месяц назад. Слушай, я ведь... я даже не знаю, когда у тебя уроки заканчиваются. Нам нужно быть на связи, Рит. Что бы там ни было между родичами, это их терки. Эй, мелкая, улыбнись! Я никогда тебя не брошу, ты же моя, помнишь?

Я рассмеялась, хотя в глубине души мне хотелось плакать. В этот холодный зимний день мы ели шоколадное мороженое в стаканчике и держались за руки, пока не дошли до входа в мой двор. Впервые Витя не стал провожать меня до подъезда, но я и не настаивала. Мы есть друг у друга, и это главное; остальное наладится, надо только подождать, — уверяла я себя. Однако ничего не наладилось.

С бизнесом у отца дела не шли, он каждый день обещал своим коллегам светлое будущее, которое почему-то все не наступало. Сам ходил злым, а если не дай бог спотыкался об обувь в коридоре, начинал громко ругаться. Я боялась произнести лишнее слово в его присутствии, и, казалось, даже наши с мамой голоса раздражали папу.

В конце марта случился окончательный провал. Программисты, поверившие сначала в папины идеи и стремления, ушли от него, поняв, что он не может платить им. А у них ведь семьи, дети, кредиты, потребности. Отец снова вышел из себя. И, как назло, в этот день он увидел нас с Витей возле магазина на остановке. Шестаков провожал меня домой, рассказывая забавные шутки про своих соседей.

— Рита! — крикнул папа, догоняя нас. В его взгляде читалась ярость, а нижняя губа дергалась. Мне всегда было страшно смотреть на такого отца: этот вид вызывал у меня страх и неуверенность. Он казался мне чужим, незнакомым человеком.

— Привет, папуль, — сказала я и улыбнулась, разглядывая его снизу.

— Добрый день, Павел Дмитриевич, — поздоровался Витя.

Однако отец вместо слов приветствия схватил меня за руку и силой потащил в сторону дома. Я не стала сопротивляться, молча кивнув Шестакову.

Пепел

До квартиры мы дошли, не проронив ни слова, атмосфера была настолько давящей, что мне на мгновение показалось, что я начала задыхаться. Я быстро прошмыгнула к себе в комнату, предпочитая скрыться с глаз отца во избежание ссоры. Осторожно прикрыла дверь и спрятала телефон в ящик столика, за которым обычно делала уроки. Я так и не рассказала об этом подарке никому, хотя, может, и стоило. Но благодаря мобильному мы могли с Витей общаться, писать сообщения и тайно болтать ночами о всяком разном — кроме семейных тем, конечно. Их мы старательно избегали, но при этом всеми силами поддерживали друг друга, потому что не хотели потерять нашу связь.

Я вздохнула, развернулась и хотела переодеться, но в комнату вошел папа.

— Маргарита, — строго начал он. Его голос звучал холодно и жестко, словно он говорил не с родной дочкой, а с посторонним человеком. В последние дни я его не узнавала: папа все больше походил на чужака, который теперь жил с нами по соседству.

— Я переоденусь сейчас, и можем вместе пообедать.

— Не смей больше водиться с этим мальчишкой! — ледяным тоном выдал отец.

— Что? — прошептала я, не веря в услышанное.

— Он — сын предателя! А ты — моя дочь, понимаешь?

— Пап, Витя ни при чем, он... — Мне показалось, воздух закончился в легких. Я открыла рот, глубоко вдыхая, но никак не могла насытиться кислородом.

— Не смей к нему подходить, поняла? А если он будет преследовать тебя, я сам разберусь с ним. — Отец развернулся, собираясь выйти из комнаты, но я бросилась к нему, схватила за руку, крепко сжав ее в своих ладонях.

— Папочка, ну ты чего? — взмолилась я, смотря на него снизу вверх и ища в его глазах понимания. Но в этом

взгляде больше не было привычной мягкости, теперь там была лишь сталь.

— Рита, ты слышала, что я тебе сказал?

— Папуль, Витя, он... он... хороший, правда! Я... я не хочу переставать...

— Замолчи! — крикнул отец, выхватив руку. Он вышел и закрыл дверь перед моим носом, явно показывая, что разговор окончен.

Конечно, я не планировала мириться с таким решением. Поэтому в один из дней после уроков пошла не домой, а в библиотеку к маме. Мне нравилось бывать у нее на работе, вдыхать запах старых книг, погружаться в тишину и становиться частью историй, пылившихся на полках.

Обычно мама работала с напарницей, но та сегодня взяла отгул, и мне выдалась отличная возможность поговорить с мамой наедине. Я не стала ничего скрывать, рассказала даже про телефон, который подарил Витя. Я ждала поддержки от мамы, утешения и добрых слов. Ведь чего еще может ждать восьмилетний ребенок в такой ситуации? Однако получилось иначе.

— Риточка, понимаешь, — начала мама. Она часто облизывала губы и тербила края широкой кофты, которая уже висела на ней балахоном. Цвет давно вылинял от многочисленных стирок, да и мама похудела за этот год, поэтому вещь превратилась в бесформенную тряпку. Порой я смотрела на тетю Кристину и с завистью думала, какая она ухоженная, и жалела, что моя мать на ее фоне кажется серой мышкой. — Дочка, у твоего отца сейчас трудные времена. Ему нужна наша поддержка; если уж и мы отвернемся, он окончательно сломается.

— Но причем тут я и Витя? Мам, ведь не Витя предал папу, — искренне недоумевала я, поджимая губы от обиды.

Пепел

— Мне жаль, что тебе приходится проходить через все это в таком юном возрасте, дочка, — с грустью сказала мама. Она подошла, положила руки мне на плечи и притянула меня к себе, прижав к груди.

— Витя — мой друг, единственный и очень любимый друг! — с горечью произнесла я, утыкаясь носом в ткань маминой одежды.

— Пройдет время, и, возможно, отец остынет, и вы снова сможете общаться. Но, милая, мне кажется, как раньше уже не будет. Тебе нужно просто принять это и жить дальше. И лучше верни телефон Вите. Не дай бог отец узнает; ему будет неприятно.

Следовать наставлению мамы я не стала, просто понадеялась, что папа успокоится. Не может же он злиться вечно? А там, глядишь, они встретятся с дядей Олегом, поговорят — по крайней мере, мне так хотелось думать.

Однако в мае мои надежды рухнули окончательно. Отец узнал, что его бывшая фирма удачно заключила договор с каким-то крупным инвестором и все же будет воплощать его идею с подпиской. Для отца это был сильнейший удар. Он даже хотел поехать в офис и устроить скандал, ведь идея по праву принадлежала ему, а не Олегу Николаевичу. Мама чудом отговорила папу от поездки.

После он впал в какое-то уныние и засел дома перед телевизором. Несколько месяцев он ничего не делал, лишь молча переключал каналы; отказывался от еды, похудел и не приносил деньги домой. Слово «семья» словно перестало существовать для отца, мы практически не разговаривали. Однажды я проболталась об этом Вите, когда мы гуляли по парку вокруг озера.

— У нас дома тоже не сахар, — вздохнув, признался Шестаков. — Я, если честно, уже и не помню, когда последний раз отца видел и разговаривал с ним. Зато они

с матерью каждый день ругаются. Иногда мне хочется сбежать из дома и не слышать этих бесконечных упреков. Прости, тебе и без моего нытья своих проблем хватает.

— Как думаешь, наши папы смогли бы помириться?

— Вряд ли, — отмахнулся Витя.

— Знаешь, это так страшно, — неожиданно призналась я, остановившись возле красивой березы.

Подул ветерок, листва зашелестела— на улице всюду гуляла весна. Я подняла ладони к небу, позволяя лучам солнца коснуться кожи. Давно мне не было так тепло, как в этот солнечный день рядом с Витей.

— Что именно?

— Страшно однажды потерять человека, которого считал своим другом. Интересно, почему так происходит?

— Кто знает, — пожал плечами Витя. — Но я рад, что у меня есть ты. Иначе я бы точно свихнулся.

Домой я вернулась в приподнятом настроении и даже планировала сделать из печенья пирожное «картошка», которое обожала в маминном исполнении, но придя, застала отца в своей комнате. Он сидел на кровати, взгляд его был устремлен вроде на меня, а вроде и сквозь. А когда он поднялся и вытащил из кармана телефон, сердце в груди едва не разорвалось на части. Я слотнула, ощущая, как напрягается каждая мышца в моем теле и как наливается тяжестью низ живота.

Он нашел Витин подарок.

— Что это? — стальным тоном спросил отец.

— Т-телефон, — выдавила я.

— Телефон? Хорошо, — кивнул он и подошел к окну, словно пытаясь разглядеть там какого-то важного человека или машину. Я же почти не дышала, мысленно ругая себя, что не спрятала мобильный в более надежное место. Нет, я боялась не скандала, а того, что отец заберет телефон, заберет возможность общаться с Витей.

Пепел

— Папочка, — прошептала я дрожащим голосом.

Отец резко развернулся, поднял руку и со всей силы кинул мобильный в стенку за моей спиной. На его лице не дернулся ни один мускул, когда он это сделал. Зато у меня перед глазами пронеслась целая жизнь. Я не осмеливалась повернуть голову, но и без того понимала — Витин подарок, скорее всего, разбился. Мне хотелось разреветься.

— Маргарита, — ледяным тоном процедил папа, приближаясь ко мне. Я стояла, как по команде «мирно», смотря прямо в глаза человеку, которого очень любила и уважала, но так боялась сейчас. — Ты! Моя! Дочь! Понимаешь?

Мне хотелось сказать «да», но выражение лица папы говорило, что ему не нужны ответы. Поэтому я молча кивнула, искать аргументы было бессмысленно.

— А моя дочь не может водиться с предателями. Не может, понимаешь?

И я снова кивнула, вжав голову в плечи. Казалось, если я открою рот или произнесу хоть слово, это еще больше взбесит отца, поэтому лучше было молчать.

— Я говорил тебе об этом, помнишь? Ты помнишь, я тебя спрашиваю?

— Па... — Я набрала воздуха и почти собралась с духом признать свою вину, как папа снова сделал пару шагов, сокращая между нами расстояние. Он был не похож на себя, словно передо мной другой человек, незнакомец из соседнего дома.

— Ты помнишь? — повторил он.

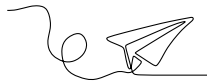
— Пап...

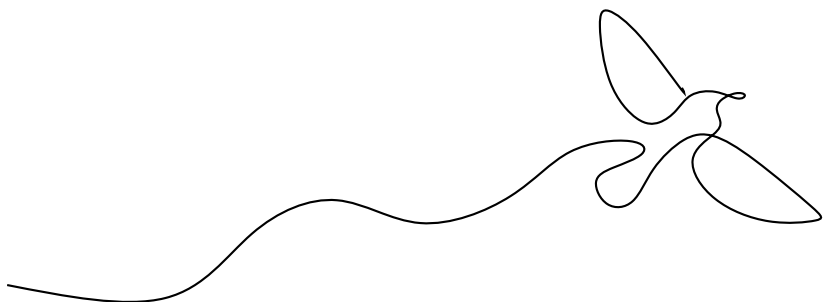
— Ты помнишь? — крикнул отец. В этот момент его рука поднялась и хлестнула меня по лицу. Я не сразу поняла, что произошло, потому что удар оказался очень сильным. С губ сорвался слабый крик, меня повело в сторону шкафа, но я чудом смогла сохранить равновесие. Щека пылала от

Ники Сью

боли, сердце бешено стучало, а в глазах застыли слезы. Мне хотелось броситься к дверям, хотелось убежать. Я смотрела на отца и не понимала, кто стоит передо мной. Он был в несколько раз выше и шире в плечах своей восьмилетней дочери. Он позволил себе ударить, и при этом на его лице не проскользнуло ни единой эмоции.

Дрожащей рукой я коснулась щеки и вжалась в стенку шкафа, опустив голову. Папа подошел ко мне, остановившись буквально в одном шаге. Мне показалось, сейчас последует еще удар и еще, но отец лишь смерил меня тяжелым взглядом, а затем молча вышел, хлопнув дверью.

Глава 5

Рита

Про пощечину я ничего не рассказала маме. Я никому ничего не рассказала, решив, что, скорее всего, сама виновата. Да и мать все равно всегда была на стороне отца, она изначально предупреждала: ничем хорошим мое неповиновение не закончится.

Ненавистное вранье началось с мая, и с тех пор, кажется, я научилась врать даже самой себе.

Вите сказала, что телефон потеряла. Мне не хотелось, чтобы отец упал в его глазах... Шестаков вздыхал и негодовал, мы даже отправились на поиски и расклеили пару объявлений в районе, где я могла «потерять» телефон, но, конечно, мобильный не нашелся. Однако Витя грустил недолго — по крайней мере, мне так казалось. Потому что в июне его отправили в какой-то детский лагерь на море на целый месяц, в июле они с тетей Кристиной ездили проводить ее родителей, а что было в августе, я и сама не знала. Я просидела почти весь месяц дома, одна-одинешенька, разглядывая за окном надоедливых голубей.

Следующая наша встреча с Шестаковым состоялась только в середине сентября, когда мы уже перешли в третий класс. Я училась тогда во вторую смену, а Витя — в первую,

как выяснилось. За лето он вытянулся, загорел и даже отрастил дурацкую тонкую косичку на затылке.

— Тебя не узнать, — с улыбкой сказала я, указав на нее.

— Ага, но мать записала меня в секцию по баскетболу. А там с этой штукой не вариант, придется отрезать. Кстати, это тебе, я все лето собирал. — Витя протянул мне небольшой пакетик, какие обычно дают в аптеках. Я осторожно взяла его и заглянула внутрь. Там были именные браслетики, ракушки, какие-то странные бусы — опять же из ракушек. От пакета исходил запах моря и лета, и мои глаза стали наполняться влагой от грусти и обиды, что время пролетело так быстро, и все прошло мимо нас с Витей.

— Я... я просто не знал, какой тебе понравится, — начал оправдываться он. — У девчонок спрашивал, что нравится им. Я ж в этом не особо... если тебе не нравится, можешь выбросить, я не обижусь! Честно!

— Мне очень нравится! — вместо улыбки я потянулась к Вите и обняла его, крепко прижимаясь к его груди. — Ты, главное, не забывай меня, ладно? — шепнула смущенно я, поджимая губы и сдерживая слезы.

— Я очень скучал по тебе, вообще-то! Обещаю, когда мы вырастем, я буду всегда рядом! Даже если захочу, не смогу тебя забыть. Верь мне, хорошо? — заявил Шестаков. Его ладони легли мне на плечи, а дыхание обжигало шею. Сердце саднило от этих слов, но в то же время словно лучилось теплом. Впервые в жизни мне безумно захотелось поскорее вырасти.

— Это обещание тебе точно выйдет боком, — засмеялась я, не задумываясь о том, насколько пророческим мог оказаться наш диалог.

Той осенью мы встретились еще всего три раза. Во-первых, меня начал встречать со школы папа, потому что в нем вдруг проснулась забота, а еще ему, кажется, стало скуч-

Пепел

но сидеть сутками дома. А во-вторых, Витя из-за секции по баскетболу не всегда мог прийти повидаться. Конечно, было бы проще, будь у меня телефон, но зарплаты мамы едва хватало на продукты и оплату счетов. Иногда по выходным отец разгружал вагоны, чего я совсем не понимала. Ведь он отлично разбирался в своем деле и мог найти достойную работу, но папа намеренно не вспоминал о профессиональных навыках, словно боялся, что, если сядет за компьютер, опять обожжется.

А в конце октября, в воскресенье, отец заметил Витю, который поджидал меня во дворе. Он качался на качелях, разглядывая землю под ногами. Мама тогда ушла в магазин, а я возилась с уборкой дома. Собиралась развесить постиранные вещи, но увидела Шестакова в открытое окно и только подняла руку, чтобы махнуть ему, как за спиной возник папа.

— Я ведь говорил тебе! — прошепел он.

— Па... — однако ответы мои никому не были интересны. Отец схватил меня за воротник кофты и дернул в сторону кухни, прогоняя от окна. Я думала, он просто хотел закрыть непокорную дочь в комнате, но нет...

— Я говорю! Где твои мозги, черт возьми! — закричал он. — Ты — моя дочь! Ты обязана меня слушать!

И только я открыла рот, чтобы как-то оправдаться, как рука папы хлестнула меня по лицу. Боль в щеке тут же дала о себе знать, сердце лихорадочно забилось. Я упала на пол и подтянула ноги к себе, у меня затряслись губы, участился пульс от лихорадочного дыхания и нахлынувшего страха.

— Почему ты так себя ведешь? Почему? — Мне казалось, отец говорил с кем-то другим, потому что в ответах он не нуждался, иначе не последовали бы тут же второй и третий удары. Не по лицу — по рукам, ногам. Я сжалась, как испуганный зверек, выставляя перед собой локти. Закрыла глаза и просто ждала, когда все закончится.

Ники Сью

В памяти вспыхнули улыбка Вити, его голос и пакет с подарками, который я спрятала в почтовом ящике соседки, так и не решившись принести его домой. От него веяло летом, детством и счастьем, навсегда ушедшим из моей жизни.

— И не смей жаловаться матери, если не хочешь, чтобы и она получила! — донеслось до меня. — А увижу рядом с этим шакалом — и ему достанется. Это все ради твоего блага, Рита. Понимаешь? Потом ты мне скажешь спасибо.

Отец ушел, а я на трясущихся ногах пошла к себе в комнату. Слезы градом лились по щекам, мне хотелось кричать, убежать к Вите, прижаться к нему и услышать слова поддержки. Однако я прекрасно понимала — если отец смог поднять руку на собственную дочку, то и на других сможет. Меня он ударил раза четыре, а Витю... на него у него свои планы, и неизвестно еще, чем это обернется.

Когда через полчаса вернулась мама, они с отцом позвали меня обедать, но я притворилась, что сплю. А вечером сослалась на тошноту, лишь бы никого не видеть.

На следующий день за завтраком папа не сводил с меня глаз — в них читалось сожаление, и он даже вызвался проводить меня в школу, а по пути предложил вдруг купить сок с шоколадкой. Но я лишь молча покачала головой.

— Прости, дочка. Я... я виноват, я не должен был этого делать. Просто Олег...

Я не поверила извинениям отца, ведь это было не в первый раз и, вполне возможно, далеко не в последний.

— Угу.

— До вечера, будь осторожна, — довольно фальшиво прозвучало из уст папы. Я ничего не сказала. Родной человек на моих глазах медленно превращался в монстра.

Общение с Витей я решила тоже разорвать. Это был самый сложный и невероятно тяжелый шаг. Я плакала каждую ночь, закрывая ладонью рот, чтобы скрыть всхлипы. Мы и без того почти не виделись, у меня не было друзей,

Пепел

никого. А Шестаков... он был моим светом, единственным лучиком в этом мраке.

Но страх, что отец может покалечить его, брал вверх. Тем более что папа настойчиво продолжал встречать меня со школы и провозжать. Даже одноклассники начали подшучивать: мол, Рите уже не пять лет, а ходит как будто в садик — за ручку с родителями.

В один из дней, после того как отец, проводив меня утром, скрылся за школьным забором, я сбежала с уроков. Я чуть не заблудилась, пока искала тот элитный лицей, где учился Шестаков. Хорошо еще, что тогда он играл во дворе с мальчишками в баскетбол и никуда не ушел, а так бы мой план провалился. Но скольких усилий стоил этот план, скольких слез и моральных сил! Я до сих пор не верила, что смогу сказать вслух фразу, после которой мы никогда больше не увидимся.

— Рита! — радостно воскликнул Витя, когда заметил меня, стоящую напротив высокого забора у входа в школу. Мы не виделись почти месяц. Он тут же подошел к какому-то мужчине, — наверное, учителю, — что-то сказал и побежал ко мне с улыбкой. Мне нравилось смотреть на Витину улыбку: она согревала и напоминала о том, что в жизни есть и хорошее. Черная полоса не может длиться вечно.

— Привет, — произнесла я дрожащим голосом. Пришлось отвести взгляд, иначе я точно сразу расплакалась бы.

— Рита! Я... я так рад видеть тебя! — Шестаков никогда не был скромным, так что когда он кинулся ко мне, стиснув в своих объятиях, я нисколько этому не удивилась.

— Вить, я... ты так задушишь меня.

— Прости, прости! — он убрал руки, но продолжал улыбаться и разглядывать внимательно мое лицо, словно пытаясь что-то в нем найти. — Твой отец — нечто. Стоит мне здесь появиться, так он уже поджидает. Мне кажется, ни один банк не охраняют так, как тебя.

Ники Сью

— Да, папа очень... переживает за меня, — с натянутой улыбкой произнесла я.

— Ага, как чокнутый, — с досадой в голосе отозвался Шестаков.

— Вить, я... — Язык у меня потяжелел от слов, которые я собиралась произнести.

— Тренер не отпустит меня, сможешь подождать полчаса? — Он словно не замечал, что я часто моргала и сжимала лямки рюкзака. Рядом с Витей я словно вновь возвращалась в наше счастливое детство, ощущала тепло, мне хотелось смеяться; и от всего этого я должна была добровольно отказаться. Сердце разрывалось на части, в глазах застыли слезы.

— Вить, я...

— Подождешь?

— Не приходи больше ко мне, — на одном дыхании произнесла я, словно ощутив, как острые иглы пронзили грудную клетку. Но я прекрасно помнила слова отца, не забыла боль от его ударов и не хотела, чтобы пострадал кто-то еще. От безысходности и обиды накатывала тошнота и слезы. Мне хотелось думать, что это дурной сон, что сейчас я открою глаза, и все плохое закончится. Однако это был не сон, ведь во сне не бывает так больно.

— Ч-что? — прошептал Витя. Он посмотрел на меня удивленно и испуганно, сделал шаг навстречу, потянулся ко мне, но я отступила. У меня затряслись руки.

«Не смотри так на меня. Пожалуйста!» — *просила я мысленно.*

— Не приходи больше, — произнесла как мантру.

— Ты сама будешь приходить? — не поняв, спросил Витя.

В ответ я покачала головой, отводя взгляд в сторону.

«Не смотри так... Ну, пожалуйста!», — *молила я.*

— Что это значит, Рита? — Голос Вити дрогнул, от чего у меня к горлу подкатил ком. Я любила его, наверное,

Пепел

как человек может любить только жизнь, воздух и первые лучи солнца.

— Мне больше не хочется с тобой дружить, — сказала я и тут же развернулась, потому что по щеке покати́лась слеза. Хоть бы он не увидел ее, хоть бы не заметил, с какой болью давались мне эти слова.

— Рита! Ты что за глупости говоришь! — крикнул Витя.

— Шестаков! Я тебя на минуту отпускал, а не на всю тренировку! — Тренер появился вовремя, и я побежала прочь. Сорвалась с места и устремилась вперед, поджимая губы, которые становились солеными от слез, скатывавшихся по щекам.

— Рита! Романова! Стой! — Его голос с каждым шагом звучал тише, но все равно словно резал кожу, оставляя на ней шрамы, которые никогда не заживут.

Я споткнулась, почти упала, но почему-то удержала равновесие. Жаль. Впервые в жизни мне хотелось ощутить физическую боль. Лучше бы отец ударил меня сейчас. Лучше бы он бил меня тысячу часов подряд, чем то, что произошло сегодня.

— Рита!

Я подбежала к дороге, но не остановилась и выскочила на красный. За спиной сигналил автомобиль, мужчина высунул голову из открытого окна и ругал меня, не скупясь на крепкое словцо. А я все бежала и плакала. Казалось, если остановлюсь — сломаюсь. Казалось, если бы Витя догнал меня, я уже не смогла бы вычеркнуть его из своей жизни.

Но он не побежал. Не увидел моих слез. Так и не узнал, какой убийственной для меня была произнесенная ложь.

